

Александр Дж. Мотыль

Фашистская Россия? Политическая система России в сравнительном контексте¹

Системы и типы систем

Со времен Платона и Аристотеля социологи описывали страны или государства в соответствии с их доминирующими характеристиками, так как лишь подобные действия позволяют ученым заниматься сравнительными исследованиями и строить теоретические обобщения. «Политическая система» — в данной статье я буду использовать этот термин в качестве синонима «государства», несмотря на концептуальные различия между данными терминами — состоит из тех характеристик, которые определяют политику (в широком понимании) страны. Эти характеристики относятся к существующим институтам, структурам, отношениям и позициям, но не к индивидуумам или же политическим практикам. Различение политических практик и систем означает, что, например, демократические системы могут реализовывать не-демократические практики, но при этом быть демократическими системами, в то время как авторитарные системы могут заниматься демократическими практиками и оставаться авторитарными системами.

В современной социологической литературе обычно выделяются три главных типа систем: тоталитаризм, авторитаризм и демократия, которые отличаются, по простому говоря, степенью проникновения государственного контроля и уровнем политических и экономических свобод. Тоталитарные системы осуществляют наиболее строгий контроль, а их население пользуется наименьшим количеством свобод; демократические системы осуществляют наименьший контроль, а население пользуется наибольшим количеством свобод; авторитарные системы находятся где-то посередине между ними. Естественно, не существует систем, которые осуществляют полный контроль над всем, также как не существует систем, которые являются идеально демократическими, что по иронии может означать, что авторитаризм является наименее идеальным типом политических систем.

¹ Данная статья является короткой версией следующих статей: Motyl A. Russland – Volk, Staat und Führer: Elemente eines faschistischen Systems // Osteuropa. 2009. Vol. 59. No. 1. P. 109-124 и idem. Russia's Systemic Transformations since Perestroika: From Totalitarianism to Authoritarianism to Democracy—to Fascism? // The Harriman Review. 2010. Vol. 17. No. 2. P. 1-14.

Типы систем, на которые я ссылаюсь в данной статье, и их характеристики представлены в Таблице 1. Категории тоталитаризма, авторитаризма и демократии являются довольно очевидными и, я полагаю, бесспорными, поэтому они не нуждаются в дальнейшем уточнении. Однако пятый столбец, в котором описываются характеристики фашизма, действительно заслуживает более пристального внимания, хотя бы потому, что не существует значимого научного консенсуса в отношении того, чем является фашизм.

Фашизм как политическая система

Мы начнем наше исследование фашизма с рассмотрения пяти определений, которые прекрасно иллюстрируют как разнообразие мнений и подходов к фашизму, так и слабость существующих дефиниций.

Хуан Линц определяет фашизм как «гипернационалистическое, часто пан-националистическое, анти-парламентское, анти-либеральное, анти-коммунистическое, популистское и потому анти-пролетарское, отчасти анти-капиталистическое и анти-буржуазное, анти-клерикальное или, по крайней мере, не-клерикальное движение, целью которого является национал-социальная интеграция посредством единственной партии и корпоративной репрезентации (значение которых не всегда одинаково подчеркивается); для которого характерен особый стиль и риторика; которое опирается на активистские кадры, готовые к применению насилия в сочетании с участием в электоральном процессе в целях завоевания власти и тоталитарными целями, реализуемыми с помощью легальной и насильственной практики. Идеология и, прежде всего, риторика апеллирует к избирательной инкорпорации — в рамках нового синтеза — национальной культурной традиции в ответ на появление новых социальных классов и новых социальных и экономических проблем. Обладая новой организационной концепцией мобилизации и участия, фашизм отличается от консервативных партий»².

В соответствии с Робертом О. Пэкстоном, «фашизм можно определить как форму политического поведения, характеризующуюся навязчивым беспокойством по поводу упадка сообщества, унижения или виктимности, а также компенсаторными культами единства, силы и чистоты, с помощью которых массовая партия убежденных националистов-боевиков, осуществляя неловкое, но эффективное сотрудничество с традиционными элитными группами, отказывается от демократических свобод и с искупительной жестокостью и без всяких этических

² Linz J.J. Some Notes Toward a Comparative Study of Fascism in Sociological Historical Perspective // *Fascism: A Reader's Guide* / Ed. By W. Laqueur. Berkeley: University of California Press, 1976. P. 12-13.

или законных ограничений стремится к внутреннему очищению и внешней экспансии»³.

Майкл Мэнн говорит, что «фашизм — это стремление к трансцендентному и очищающему национальному государственничеству посредством парамилитаризма»⁴.

Стенли Дж. Пейн пишет, что «фашизм можно определить как форму революционного, преследующего национальное возрождение ультранационализма, основанного, прежде всего, на виталистической философии и структурно опирающегося на крайний элитизм, массовую мобилизацию и принцип вождизма (нем. Führerprinzip), позитивно оценивающего насилие в качестве цели и средства и имеющего тенденцию к нормализации войны и/или военной доблести»⁵.

Согласно Роджеру Скрутону, «фашизм характеризуется следующими чертами (не все из них должны присутствовать в той или иной общепризнанной манифестации фашизма): национализм, враждебность по отношению к демократии, равенству и ценностям либерального просвещения; культ лидера и преклонение перед его особыми чертами; уважение к коллективной организации и любовь к связанным с ней символам, таким как униформа, парады и армейская дисциплина»⁶.

Определения Линца и Пэкстона в действительности являются исторически обоснованными описаниями движений, но не определениями типа системы. Хотя Линц прав в отношении анти-характеристик фашизма — по крайней мере, потому что дефиниция любого объекта неизбежно подразумевает определение того, чем он не является — он забывает о не менее важной части любого определяющего процесса — о том, чем *является* объект. Пэкстон, конечно же, прав в своем предположении, что фашизм является «формой политического поведения» (что же *не* является формой политического поведения?), но складывается впечатление, что в основном эта форма основывается на психологическом состоянии, характеризуемом беспокойными и компенсаторными ощущениями, и только во вторую очередь эта форма имеет отношение к политическим феноменам. Дефиниция Мэнна действительно является определением, но его акцент на «стремлении» сводит фашизм к деятельности, обладающей набором целей — такая характеристика, так же как у Пэкстона, может применяться к большинству областей человеческой деятельности, что практически выводит фашизм из сферы движений и режимов или, если уж на то пошло, вообще из сферы политики. Как и Мэнн, Пейн также предлагает действующую дефиницию, но она отличается от других определений тем, что она сводит фашизм к идеологии — ультранационализму — поэтому она мало говорит нам о фашизме как о системе правления. Определение Скрутона представляет собой список родовых характеристик — он об-

³ Paxton R.O. The Anatomy of Fascism. London: Allen Lane, 2004. P. 218.

⁴ Mann M. Fascists. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 13.

⁵ Payne S.G. A History of Fascism, 1914-1945. Madison: University of Wisconsin Press, 1995. P. 14.

⁶ Scruton R. A Dictionary of Political Thought. New York: Harper & Row, 1982. P. 169.

ходит стороной вопрос о том, является ли фашизм идеологией, движением или системой, но его список обладает тем преимуществом, что он является лаконичным и четким.

Несмотря на дефиниционные сложности и расхождения во мнениях, следует отметить, что определительные характеристики Пейна и Скрутона отчасти совпадают, и, кроме того, они резонируют с многими моментами в определениях Линца, Мэнна и Пэкстона. Все пять исследователей более или менее соглашались с тем, что фашизм является гипер-националистическим, анти-демократическим, элитистским, виталистическим, он сосредоточивается на фигуре лидера и ориентируется на массы (или же является коллективистским). Исследователи расходятся во мнениях касательно насилия и массовой мобилизации: Пейн и Пэкстон считают их центральными элементами, а Скрутон вообще не обращает внимание на насилие и лишь намекает на массовую мобилизацию, говоря о коллективной организации и парадах. Также следует отметить расхождение во взглядах с Линцем. Пейн, Пэкстон, Мэнн и Скрутон ничего не говорят о предположительно анти-капиталистических, анти-буржуазных, анти-коммунистических или анти-пролетарских характеристиках фашизма.

Эти определения дают возможность сделать три вывода. Во-первых, следует различать фашистские системы и фашистские движения. Хотя они могут иметь схожие идеологические цели и устремления, политические системы представляют собой устоявшиеся совокупности институтов, структур, отношений и установок, а движения являются массовыми организациями, которые находятся «в движении». Так как фашистских движений намного больше, чем политических систем, большинство ученых, определяющих фашизм, в действительности дают дефиницию фашистских движений, а не фашистских систем⁷. Но, конечно же, нет никакого смысла в том, чтобы две политические формации разделяли абсолютно одинаковые характеристики.

Во-вторых, мы должны понимать, что проблема возникновения фашистских систем является вопросом каузальности и что первопричину объекта не следует путать с характеристиками или определением этого объекта. Другими словами, вполне возможно, что схожие или идентичные фашистские системы могут в разное время быть «обусловлены» различными факторами. Анти-характеристики фашизма, на которые указывает Линц, отражают исторические корни различных типов межвоенного фашизма и скорее говорят нам о причинной обусловленности, чем о типе системы. Поэтому нет никакого смысла ожидать, что фашизм начала XXI века возникает по тем же самым причинам, что фашизм XX века. Так же как бывает множество причин возникновения национализма, войн, революций, империй и того подобного, так же бывает множество причин возникновения фашизма.

⁷ См. Nolte E. Die faschistischen Bewegungen. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1966.

И, в-третьих, нам нужно различать отдельные характеристики отдельных исторических форм фашизма и определительные характеристики фашизма, как политической системы. В первом случае, не нужно быть излишне скрупулезным в рассмотрении вопроса о варьировании системных категорий в рамках различных систем (таких как тоталитаризм, авторитаризм, демократия и фашизм), потому что мы всегда сосредотачиваемся на определенной стране в определенный промежуток времени. Во втором случае, скрупулезное, контролируемое, кросс-системное сравнение является центральным моментом всего исследовательского процесса. Мы не можем ожидать, что каждая форма фашизма будет совпадать по всем возможным пунктам с любой другой формой фашизма. Также нам не следует полагать, что каждый пример фашизма будет совпадать с итальянским вариантом. Нашей целью является понимание тех определительных и ассоциированных характеристик фашизма, которые определяют его в собственных терминах, а также в отношении к другим типам систем.

Тоталитаризм, авторитаризм и фашизм

В отличие от демократии, в фашистской системе отсутствует осмысленный парламент, судебная власть, партии, политическая конкуренция и выборы. Ключевым словом здесь является «осмысленный»: в фашистских системах — как и во всех авторитарных или тоталитарных системах — парламенты представляют собой управляемые институты, судебная власть подчинена приказам лидера, оппозиционные партии являются маргинальными, а электоральные результаты — предопределенными. В отличие от тоталитарных систем, фашистское государство не проникает во все сферы политической, экономической, социальной и культурной жизни. Фашистские государства не предлагают всеохватывающие идеологии, призванные ответить на все жизненные вопросы. Вместо этого, так же как и авторитарные государства, фашизм лишь пытается воздействовать и контролировать сферы жизни и предлагает ограниченное мировоззрение.

Подобно авторитарным системам, фашистские системы являются крайне централизованными и иерархическими. Почетное место в системе власти отводится военным и полиции, обычно тайной полиции. В них всегда наличествует доминирующая партия, которая, в отличие от единой партии-гегемона в тоталитарной системе, может быть терпимой к другим партиям, но, в отличие от доминирующих партий, характерных для авторитарных систем, не терпит вмешательства в собственное управление политической системой. Подобно авторитарным государствам, фашистские страны ограничивают свободу прессы, слова и собраний. Подобно авторитарным государствам, фашистские страны также отвергают со-

циализм и принимают капитализм, что означает, что они негласно признают право частной собственности и автономию капиталистов. Однако эта автономия ограничивается значительным вмешательством государства, которое варьируется от простого дирижизма до захвата «стратегических высот» и корпоратизма. И, подобно авторитарным государствам, фашистские системы обычно поддерживают какую-либо форму гипер-национализма, прославляющего нацию и ее легендарное прошлое, настоящее и будущее. Но фашистские государства идут дальше авторитарных систем в фетишизации государства, его славы и мощи.

Так же как и в тоталитарных системах, в фашистских государствах всегда есть верховный лидер, обладающий почти культовым статусом. Заурядные авторитарные государства обычно ассоциируются с образом суровых стариков, управляющих угрюмым населением. Тоталитарные государства транслируют образы мудрых патриархов. Для сравнения, фашистские лидеры источают энергию и хотят выглядеть молодыми, мужественными и активными. Качества гипер-маскулинности особенно характерны для таких фашистских и фашистских лидеров, как Адольф Гитлер, Бенито Муссолини, Хуан Перон и Уго Чавес, но они не свойственны таким тоталитарным и авторитарным диктаторам, как Иосиф Сталин, Франциско Франко, Аугусто Пиночет, Николае Чаушеску или Аятолла Хомейни. Фашистский лидер может быть подобно Муссолини, соответствовать историческому стереотипу и быть гипер-маскулинным и пафосным, или же он может и не соответствовать историческому прототипу и, подобно Путину, быть гипер-маскулинным и хладнокровным⁸.

Фашистские лидеры также пробуждают и апеллируют к витализму и энергии в населении, а также обычно ассимилируют молодежь в свои движения и партии. Не менее важно то, что фашистские государства являются народными и они всегда вовлекают население в собственные репрессии. Фашистские государства включают население в систему правления, обещая людям великое и славное будущее в обмен на их энтузиазм и поддержку. Фашистские лидеры являются особенно популярными и представляют себя в качестве воплощения лучших качеств нации и единственной надежды его будущего. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что для фашистских и тоталитарных систем часто характерны парады и ура-патриотизм. Но, при всем уважении к Скрутону, парады не являются определяющими характеристиками какой-либо системы (было бы действительно странным, если бы подобные эфемерные вещи были дефиниционными элементами). Скорее они представляют собой ассоциированные признаки популистской природы подобных систем.

⁸ Здесь действительно возникает вопрос о том, могут ли фашистскими лидерами быть женщины и, если могут, то какой стиль лидерства им бы пришлось использовать для удовлетворения дефиниционных требований.

Таблица 1: Политические системы и их характеристики

Определительные характеристики	Тоталитаризм	Авторитаризм	Демократия	Фашизм
Политика	Единая партия-гегемон; постановочные выборы; управляемый парламент	Доминирующая партия; фальсифицируемые выборы; подчиненный парламент	Множество партий; подлинные выборы; автономный парламент	Доминирующая партия; фальсифицируемые выборы; управляемый парламент
Лидер	Култ верховного лидера	Сильный человек	Президент, премьер	Гипер-маскулинный култ верховного лидера
Идеология	Всеохватывающая	Государственничество и гипер-национализм	Народный суверенитет	Государственничество и гипер-национализм
Народное отношение к режиму	Широкая поддержка	Вынужденное согласие	Поддержка	Широкая поддержка
Экономика	Центральное планирование не-рыночной экономики	Государственный альянс с доминирующими силами в рыночной экономике	Рыночная экономика	Государственный контроль за главными областями рыночной экономики
Ассоциированные характеристики				
Движение в поддержку лидера	Да	Нет	Нет	Да
Полиция/армия	Подчинены партии	Часть правящей элиты	Подчинены правительству	Часть правящей элиты
СМИ/общество	Полный контроль	Доминирование	Свобода	Доминирование
Насилие	Широко распространено	Выборочное	Минимальное	Выборочное

Принимая во внимание вышеперечисленные сходства и отличия фашизма от тоталитаризма и авторитаризма мы осмелимся предложить собственную дефиницию фашизма. Таким образом, я определяю фашизм как не-демократическую, не-социалистическую политическую систему с доминирующей партией, верховным лидером, культом гипер-маскулинного лидера, гипер-националистической государственнической идеологией и населением, с энтузиазмом поддерживающим данную систему.

Является ли путинская Россия фашистской?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо взглянуть на определительные характеристики фашизма в российском контексте.

1. Не-демократическая и не-социалистическая политическая система. Парламентские и президентские выборы в целом считаются нечестными и несвободными, даже если все и согласны с тем, что Путин и его союзники выиграли бы выборы, даже если бы они были честными и свободными. Подобным образом Дума трансформировалась в управляемый парламент отчасти из-за изменений его структуры и процедур, но по большому счету в результате доминирования как в Думе, так и в политической системе про-президентской партии власти — Единой России. Естественно, Единая Россия не похожа на рвущиеся к власти фашистские движения XX века. Она представляет собой широкое скопление оппортунистов, которые всего лишь примкнули к победившему политическому лагерю, а фашистские движения прошлого века были, подобно большевика, кадровыми партиями подлинных сторонников идеи. Более уместным сравнением были бы немецкие нацисты или итальянские фашисты, уже находящиеся у власти: к тому времени их ряды были полны приспешников и карьеристов, и обе партии стали «резервуарными партиями», лишь смутно напоминающими боевые движения, из которых они вышли. В то же время, Единая Россия очевидно не доминирует — или пока не доминирует — над всеми политическими, социальными, экономическими и культурными институтами России, и в этом смысле она далека от Германии Гитлера или Италии Муссолини. Утверждение о том, что пост-советская Россия является не-социалистической, я полагаю, не требует уточнения.

2. Государственничество и гипернационализм. Несмотря на то, что в России отсутствует последовательная идеология, которая была характерна для Советского Союза, фашистской Италии или нацистской Германии, превалирующие идеологические течения (или дискурс) совершенно очевидно возвеличивают и прославляют как российское государство, так и российский народ. Концепция «суве-

ренной демократии», например, подразумевает сильное российское государство, а не идею демократии. Особенно ярким признаком этого дискурса является речь Путина на приеме по случаю Дня народного единства в 2007 году, когда он подчеркнул неразрывные отношения между национальным единством, национальным величием и мощью государства. Российская официальная идеология национализма не сильно отличается по стилю и содержанию от экспрессивных заявлений Муссолини и Гитлера. Соответственно, русские представляются великим народом, так же как и их прошлое, настоящее и будущее, но — за исключением официального допущения и поощрения пренебрежительного отношения русских к не-русским — это величие пока еще не содержит в себе расизма и откровенного этноцентризма.

3. *Гипер-маскулинный культ верховного лидера.* Как и Муссолини, Путин предпочитает стильную черную одежду, которая передает ощущение твердости и серьезности⁹. Подобно Муссолини, Путину нравится фотографироваться рядом с оружием и другими инструментами войны. И, подобно Муссолини, Путину нравится демонстрировать свои предполагаемые физические умения. Специальный предвыборный ролик 2007 года показывает Путина в различных мужественных позах — он скачет верхом на лошади, стоит с автоматом в руках, идет вброд по реке. Особенного внимания заслуживает то, что обычно он позирует по пояс обнаженным, что, по всей видимости, является критическим моментом в саморепрезентации Путина¹⁰. Этот ролик является не только экстраординарным в том, что он откровенно изображает Путина как квинтэссенцию мужественности, но он также нацелен на молодых девушек, для которых, по мнению путинских политтехнологов, подобные гендерные репрезентации маскулинности обязательно будут привлекательными.

4. *Широкая народная поддержка.* Подобно Муссолини и Гитлеру, Путин обладает огромной народной популярностью. Несмотря на успехи и промахи его политики, его поддержка среди российского населения всегда составляла более 70%. Подобно Гитлеру и Муссолини, Путин восстановил закон, порядок и стабильность — или, по крайней мере, их подобию. Еще более важно, что Путин восстановил чувство собственного достоинства россиян, их гордость за настоящее и прошлое — отчасти с помощью реабилитации Сталина — и дал российскому народу надежду на будущее. И подобно Гитлеру и Муссолини, Путин утверждает, что он всего лишь исполняет наказ народа.

Итак, является ли Россия фашистским государством? Как предполагает данный перечень, Россия представляет собой нечто большее, чем простое авторитарное государство. Некоторые ученые попытались передать это различие с помощью таких терминов, как «патримониальность» и «царизм». Анна Эпплбаум

⁹ См. Nepomnyashchy C. Man in Black: Putin and the Power of the Image. Неопубликованная статья.

¹⁰ Этот ролик можно найти здесь: www.russia.ru/putin/.

говорит о «путинизме»¹¹. Хотя эти термины хороши в качестве описательных обозначений, они не могут поместить современную Россию в спектр политических систем и, таким образом, передать всю полноту тех изменений, которые правление Путина принесло России. Я полагаю, что именно термин «фашизм» может сказать нам насколько и в каком направлении изменилась Россия.

Конечно, несмотря на то, что путинская Россия обладает многими определяющими характеристиками фашизма, она обладает ими лишь в большей или меньшей степени. Беспорядочно возникнув лишь несколько лет назад, эти характеристики еще не приняли форму консолидированной политической системы. Также непонятно, останутся ли эти характеристики релевантными. В этом смысле сегодняшняя Россия напоминает Германию в 1933 году или Италию в первой половине 1920-х годов. Россия может пойти по их стопам, а может затормозить и отыскать путь назад к какой-либо форме демократии или авторитаризма. Находясь где-то посередине между авторитаризмом и фашизмом, современная Россия, таким образом, может быть определена как «фашистоидная».

Перевод с английского: Антон Шеховцов

¹¹ Applebaum A. Putinism: Democracy, the Russian Way // The Berlin Journal. 2008. № 16. P. 43-47.